

Национальный
и региональный контекст

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ МАТРИЦА
ЕСТЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА
И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В РОССИИ**

А.В. Лубский

Южный федеральный университет

Аннотация: *Основу институциональной матрицы естественного государства как системы формальных правил и неформальных ограничений составляет порядок ограниченного доступа к ценным ресурсам и функциям, который позволяет решать проблему насилия в обществе. Социальный порядок может рассматриваться как воспроизводство институциональных практик, доминантами которых в российском естественном государстве выступают этатизм, патернализм и клиентелизм.*

Ключевые слова: *неоинституционализм, естественное государство, институциональная матрица, социальный порядок, институциональные практики, этатизм, патернализм, клиентелизм.*

Концепция естественного государства, разработанная Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом в рамках «новой институциональной теории, объединяющей все социальные науки» [Расков 2011: 29], явилась значительным вкладом в теорию общественного развития [Заостровцев 2014]. В этой концепции авторы, раскрывая природу естественного государства, показывают особенности институциональных практик социальных порядков ограниченного и открытого доступа к экономическим и политическим ресурсам [North, Wallis, Weingast 2005; North, Wallis, Weingast 2006; North, Wallis, Weingast 2009; North, Wallis, Webb, Weingast 2013]. В российской академической среде концепция естественного государства стала особенно популярной после выхода в 2011 г. переводного издания книги «Насилие и социальные порядки» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011]. В настоящее время эта концепция используется в качестве теоретической установки при изучении институтов естественного государства и возможностей дискурсивной экономики в России, российского госкапитализма и модернизации, взаимодействия государства и бизнеса [Заостровцев 2012: 192–205]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» развернул проект, целью которого было использование представленных в концепции естественного государства теоретических схем применительно к истории России [Исследовательский проект].

В научной литературе институциональная матрица рассматривается, во-первых, как «архетипическая триединая социальная форма», которая представляет собой «систему экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии», во-вторых, как «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер». При этом исследователи, подчёркивают, что «важным свойством институциональных матриц является их историческая устойчивость, инвариантность по отношению как к внешним воздействиям, так и действиям социальных сил внутри страны» [Кирдина 2000: 24–33]. В этом плане неформальная институциональная матрица, выполняющая стабилизационную, адаптационную, инновационную и интеграционную функции, как бы «отвечает» за то, чтобы «в обществе доминировали эффективные или хотя бы социально допустимые способы действий индивидов и групп» [Заславская 2005].

Уточняя такие представления об институциональной матрице применительно к естественному государству, надо отметить, что ее устойчивость обусловлена тем, что базовые институты этой матрицы носят преимущественно неформальный характер, по поводу которых люди, как правило, не рефлексируют. Эти институты как неформальные ограничения являются результатом длительной эволюции различного рода социальных порядков в естественных государствах. Получив закрепление в ментальных программах социального взаимодействия, эти неформальные, но легитимные институты в виде традиции закрепляются в институциональных практиках и многих современных государствах. В связи с этим институциональная матрица естественного государства, включающая «правила игры» и возможные репертуары социального взаимодействия людей, выступает основой его социокультурной «памяти», Эволюция этой матрицы может быть описана теорией «path dependence», которая базируется на идее значимости институционального наследия прошлого для понимания современного институционального контекста социальных взаимодействий и социального развития [Сусименко 2008: 13–14].

В институциональную матрицу естественных государств, наряду с неформальными, входят и формальные ограничения, получающие закрепление в соответствующих правовых системах [Лубский 2012а: 12–15]. Исходя из этого, под институциональной матрицей естественного государства можно понимать такую систему формальных правил и неформальных ограничений, которая, с одной стороны, определяет рамки социального взаимодействия и пространство выбора человеческой деятельности в обществе, с другой — возможные пути его развития [Норт 1997: 147–149].

Основу институциональной матрицы естественного государства, задающей особый способ структуризации его политической и экономической систем, составляет порядок ограниченного доступа к ценным ресурсам и функциям, благодаря которому создаются экономические ренты, служащие обеспечению достоверности обязательств среди политически влиятельных групп [North, Wallis, Weingast 2005: 9]. Поэтому естественные государства, ограничивая экономический вход в целях создания рент, используют их в качестве инструмента стабильности правящей коалиции и средства легитимации со стороны влиятельных группы, поддерживающих государство. В связи с этим в естественных государствах только члены правящей коалиции имеют право на экономические ренты, которые привязывают привилегированную группу не столько к государству, сколько к его правителю, поскольку представителям этой группы есть что терять в случае его замены [North, Wallis, Weingast 2005: 4].

В связи с этим «естественные государства, — как отмечают создатели его концепции, — выстраиваются на межличностных отношениях добывающих порядков» и «отношения внутри естественных государств строятся вокруг традиционных межличностных взаимодействий, однако иерархии элит формируют личные отношения, которые увеличивают контроль

господствующей коалиции» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 421]. При этом «правитель, — как подчёркивают исследователи, — с одной стороны, защищает эти права-привилегии от покушений со стороны аутсайдеров (не входящих в указанную коалицию), с другой — обладает стимулами уважать эти права, поскольку доминирующие группы, чьи права нарушены, могут наказать правителя путём отказа в поддержке, снижая тем самым вероятность его выживания» [Заостровцев 2010: 51].

Порядки ограниченного доступа позволяют решать проблему насилия в естественном государстве: могущественные члены общества, объединяясь в коалицию военной, политической, религиозной и экономической элиты, снижают уровень в нем насилия, обеспечивая долгосрочную стабильность и необходимую для экономического роста среду. В этом случае в порядках ограниченного доступа политическая система манипулирует экономикой с тем, чтобы создать ренты как средство решения проблемы насилия. Однако порядки ограниченного доступа не могут устранить его полностью в обществе, сохраняя непреходящую опасность насилия и гражданских войн [North, Wallis, Weingast 2005: 15–16; North, Wallis, Webb, Weingast 2013: 10]. Это обусловлено прежде всего тем, что в естественном государстве персонифицированные права подвержены ревизии, и поэтому по своей природе всегда являются нестабильными [North, Wallis, Weingast 2013: 32].

Элиты, обладая привилегированным доступом к ценным ресурсам и функциям, располагают также привилегированным доступом к социальным инструментам, позволяющими только им создавать наделённые властью организации, санкционируемые всем обществом. При этом создаются условия для формирования у представителей этих элит уникальных идентичностей, которые в естественных государствах тесно увязаны с теми привилегированными организациями, которые эти представители возглавляют или в которых они состоят.

В целом концепция естественного государства, разработанная Д. Нортом, Д. Уоллисом, Б. Вайнгастом, позволяет выделить целый ряд его особенностей [North, Wallis, Weingast 2005: 14–18]. Во-первых, естественное государство, создавая основы социального порядка ограниченного доступа, базируется на монополии на ренту для элит посредством создания барьеров на вход и подавления конкуренции как в экономике, так и в политике. Такая монополия, препятствуя самоорганизации общества, вместе с тем способствует снижению насилия в обществе и его социетальной стабильности. Однако «ограниченный доступ к ресурсам, — как подчёркивают исследователи, — ограничивает и возможности долгосрочного экономического роста» [Заостровцев 2011].

Во-вторых, для естественного государства характерно отсутствие персонифицированных прав, поскольку оно не может предоставить универсальные права для всех в силу того, что обмен потока рент на политическую поддержку эффективен только в том случае, когда в него вовлечена лишь часть общества. При этом исследователи отмечают, что персонифицированный обмен лежит в основе как политического, так и экономического обменов. Политические и экономические права, предоставляемые отдельным группам, являются персонифицированными в том смысле, что они зависят от особых отношений с теми, кто обладает властью.

В-третьих, естественное государство неспособно уважать права собственности, что является ещё одним серьёзным препятствием для экономического развития общества. «Поэтому аутсайдеры (находящиеся вне доминирующей коалиции), — как отмечают исследователи, — не в состоянии ничего сделать, чтобы предотвратить экспроприацию, а изъяты у них ренты ценны для правителей, так как повышают их выживаемость» [Заостровцев 2010: 54–55].

В-четвёртых, естественное государство стремится контролировать не только экономическую, но и политическую систему, ограничивая политические свободы, в особенности свободу собираться и создавать частные организации, поскольку они могут быть использованы для

формирования таких организаций сотрудничества, которые способны угрожать правящей элите и в целом государству.

В концепция естественного государства выделяются три его типа, в основе которых лежат хрупкий, базисный и зрелый порядки ограниченного доступа [North, Wallis, Webb, Weingast 2007; North, Wallis, Webb, Weingast 2013: 9]. Хрупкие естественные государства иногда называют «провалившимися», не способными устоять перед лицом внутреннего и внешнего насилия. Это обусловлено тем, что в этих государствах гарантии внутри господствующих коалиций изменчивы и нестабильны. Они часто меняются и зависят от индивидуальной идентичности и личности членов коалиции, поскольку в организациях доминируют сети с отношениями патрон — клиент, а этих сетях, как правило, применяется насилие.

Базисные естественные государства, наоборот, способны поддерживать стабильные организационные структуры, прежде всего, благодаря институтам публичного права, которые «структурируют различные аспекты жизни государства, его внутренние отношения и его отношения с участниками господствующей коалиции». Институты базисного естественного государства не поддерживают частные организации элит, или структуры гражданского общества, которые потенциально способны конкурировать с государством. «Базисное естественное государство может обладать прочными институтами, но базисное естественное государство не существует бессрочно», поскольку оно «обладает ограниченной во времени способностью исполнять достоверные обязательства» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 100–108].

Зрелое естественное государство «характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит вне непосредственных рамок государства». В этих государствах существуют различные общественные и частные организации, не связанные с государственными структурами, и более четко артикулируется публичное и частное право. Однако обеспечить верховенство закона такое государство не в состоянии, поскольку из-за частых изменений в естественном государстве привилегии среди членов господствующей коалиции регулярно пересматриваются. В результате законность размывается, и на место стабильных правил приходит принцип целесообразности [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 109].

Концепция естественного государства Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, разработанная в рамках междисциплинарного подхода [Лубский 2015а], представляет собой рамочный конструкт в виде идеального типа, который создаётся путём «мысленного доведения» определённых элементов «до их полного выражения», посредством соединения множества существующих единичных явлений в «едином образе» [Давыдов 1996: 71–72]. Концепция естественного государства как идеальный тип позволяет соотносить с ним реальные государства, выявляя при этом их особенности в контексте когнитивных и аксиологических акцентуаций. Одной из таких особенностей является то, что эволюции естественных государств не наблюдается каких-либо закономерностей. Поэтому, как подчёркивают авторы концепции, «не существует никакой телеологии, которая толкала бы государства к последовательному переходу от хрупких естественных государств к базисным и зрелым» [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011: 146]. Более того, может быть обратное движение от зрелых государств к базисным и даже хрупким.

Так, некоторые российские исследователи, применяя концепцию естественного государства к современной России, отмечают, что в 90-е гг. прошлого века Россия была ближе к зрелому типу естественного государства, несмотря на экономические неурядицы. Это было время «„захвата государства“, когда коррумпированные чиновники и силовики преимущественно обслуживали бизнес-интересы. Однако при этом наблюдалась относительная свобода создания новых организаций, хотя в бизнесе входные барьеры были довольно высоки». После кризиса 1998–1999 гг. «роль „первой скрипки“ почти повсеместно начинает играть бюрократ

тия и, прежде всего, ее силовая составляющая. Происходит „захват бизнеса“ государством». Это сопровождалось откатом на базисную «стадию естественного государства, где активно подавляется право создавать организации вне государства, инициативно, без санкции бюрократии». В настоящее время в условиях перехода к консолидированному авторитарному режиму и начала второго этапа контрмодернизации, государство в России начинает приобретать приобретает черты хрупкого естественного государства. При этом разделение государства на криминальные кланы (как в ведомственном, так и в территориальном разрезе) ставит мощный институциональный барьер на пути развития [Заостровцев 2011].

Особенности естественного государства в России обусловлены также тем, что в ней постоянно воспроизводится такая традиционная модель взаимоотношения государства и общества, основу которого составляет государствоцентричная матрица развития. В рамках этой модели всепроникающее российское государство, подавляющее самостоятельное развитие общества, является, как подчёркивают исследователи, единственной силой, которая способна интегрировать социум [Ворожейкина 2002: 60–61], поэтому в условиях господства административно-бюрократической системы управления в российском обществе отсутствуют социальные организации, независимые от подавляющего государства [Ворожейкина 2005: 26–27].

Кроме того, Россия относится к политическому типу общества, в котором доминирует политический фактор и превалирует патримониализм. В политическом обществе экономические акторы не представляют собой серьёзной социальной силы. Главным видом капитала в нем является политический капитал, который выступает гарантом монополии на ренту, размер которой зависит от места в политической иерархии. Россия представляет собой такое политическое общество, в котором длительные периоды политической стимуляции сменялись относительно короткими периодами экономической модернизации, заканчивавшиеся, как отмечают исследователи, политической реформацией, усиливающей роль государства и воссоздающей «порядок» в обществе [Крыштановская 2004: 5].

Политическое общество в России называют также «властецентристским», отличительной чертой которого является «зацикленность» социума на власти [Афанасьев 1998: 9]. Глубинной сутью такого общества выступают, как отмечают исследователи, власть, иерархия и подчинение, на основе которых оформляется социальный порядок, получивший название Русской Системы. Основу этой системы составляет насилие, включающее, с одной стороны, принудительные социальные взаимодействия, а с другой — запечатленные в культуре символы и ценности «порядка» и «сильной руки», а также преобладание принуждения в установках сознания и поведения [Пивоваров, Фурсов 1998: 13–96]. «Властецентристскому» обществу в России соответствует бюрократический характер административного государства, обеспечивающего экономическое и политическое «доминирование обособленных от общества управленческих групп над всеми иными социальными группами, в том числе и над частными собственниками» [Денисов 2010: 147].

Особенности естественного государства в России как государства всепроникающего и подавляющего обуславливают специфику социального порядка в обществе. При этом речь идёт не о том порядке, который является желательным в общественном мнении, а о том социальном порядке, который ментально воспринимается как нормативный образ. «Такой порядок, — как отмечают исследователи, — принимается массовым сознанием как „обычный“, т. е. само-собой-разумеющийся, однако не как правовой, и не как справедливый, а такой, который есть и „был всегда“, если это может служить в качестве оправдания» [Гудков 2004].

В этом плане социальный порядок может пониматься как воспроизводство институциональных практик [Панов 2011: 62–63]. С позиций неинституционализма институциональные практики — это, во-первых, действия, обусловленные институтами как формальными и неформальными нормами социального взаимодействия; во-вторых, действия, связанные с ин-

тернализацией институтов путём их интерпретации и перевода в когнитивные образования, а также реализацией институтов как когнитивных конструктов в действиях и переинтерпретацией институтов как когнитивных образований в процессе социальных интеракций; в-третьих, действия, связанные с экстернализацией институтов как когнитивных образований, порождающей трансформацию старых или формирование новых неформальных (и, возможно, формальных) институтов как норм социального взаимодействия [Лубский 2015б: 127].

Институциональные практики придают общественной жизни организованность, основу которой составляет предсказуемость и согласованность социальных взаимодействий, которые возможны при условии, что в обществе существует интегративная символическая система, которая обеспечивает взаимопонимание, а социальные действия носят легитимный характер, т. е. соответствуют нормативным аспектам ожиданий, доминирующим в обществе. Исследователи отмечают, что социальный порядок — это такое типичное действие, которое ожидается и одобряется в социальной системе [Милс 1994: 153], поэтому проблема социального порядка всегда имеет ментальное измерение.

В российском естественном государстве доминантами институциональных практик выступают этатизм, патернализм и клиентелизм. Этатизм как принцип взаимодействия в российском «властечетричном» обществе государства и подданных базируется на идее государства как «творца» российской истории и «ядра» всей общественной жизни. Нормативный характер этой идеи выражается в том, что она представляет собой образ тех отношений, которые должны быть между государем и подданными в российской действительности, в которых безусловный приоритет отдаётся государству и власти государя. При этом власть государя, от которого все зависит в этой жизни, сообща переживается подданными как сакральная и вездесущая сущность [Лубский 2012в].

Этатизм естественного государства в России, предполагающий примат государственной власти над законом, находит также воплощение в правовом нигилизме, который сопровождается неверием подданных в закон как средство борьбы с социальной несправедливостью [Лубский, Лубский 2013]. В свою очередь правовой нигилизм вызывает сомнения по поводу возможности установления социального порядка правовыми средствами. В этатистской ментальности социальный порядок увязывается с установлением социальной дисциплины сверху, порождая антиличностную установку и готовность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка» в обществе.

В этатистской ментальности доминирует также установка «быть как все», сопровождаемая усвоением принятых в обществе образцов социального поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Эта установка избавляет индивидов, входящих в коллективное сообщество, от ответственности за свои действия, поскольку ответственность как внутренняя парадигма поведения и форма его контроля заменяется строгим следованием внешним предписаниям [Лубский, Лубский 2012: 27–37].

В этатистской ментальности, наряду с установкой «быть как все» доминирует принцип «запрещено все, что не разрешено». В силу подданные естественного государства в России чувствует себя комфортно лишь в ситуации определённости, где существуют определённые социальные предписания, как жить, и что делать. При этом социальные предписания наделяются политическим смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешён «сверху» законами и инструкциями. При этом предписания должны касаться всех сторон жизни человека, чем больше предписаний, чем шире сфера их деятельности, чем сильнее они охватывают каждого человека, чем меньше у него свободы выбора — тем больше порядка в обществе. Чем больше государственная власть занимается «упорядочением» общественных отношений, чем детальнее регламентирует все стороны жизни общества, тем тверже и надёжнее кажется человеку социальный порядок. Ситуация неопределённости, где «разреше-

но все, что не запрещено», допускающая свободу выбора и свободу действий, рассматривается им как социальный беспорядок.

Вместе с тем «страсть к порядку» в российском естественном государстве имеет одну особенность. Она выражается в ментальном дуализме, который выражается, с одной стороны, в стремлении к свободе для себя, а с другой — в требовании ограничений и запретов для других [Лапкин, Пантин 1997: 83]. Истоки этого дуализма лежат, как считают исследователи, в культуре «произвола», порождённого в сознании русского человека многовековой культурой абсолютистского этатизма [Из двух эпох 1990: 35].

Исследователи обращают также внимание на связь между доминирующим в российском обществе консервативным типом мышления и пониманием социального порядка. В рамках этого мышления всякие социальные преобразования воспринимаются как изменения к худшему. При этом вера в безличный порядок, образованный внешними или трансцендентными силами, ментально сопрягается с любовью к покою и нежеланием торопиться, а также доверием к авторитетам, с которыми связывается стабильность социального порядка [Макаренко 1998: 77].

Патернализм в российском естественном государстве выступает принципом взаимодействия государства и общества, обусловленным ментальной традицией, в рамках которой сложился образ общества как большой семьи во главе с государем, осуществляющим «отеческую» опеку над своими подданными [Лубский 2012б: 19–21; Лубский 2012г: 79–80.]. В связи с этим государство ментально воспринимается как объект патерналистских ожиданий, а государственное попечительство — как «благо» и «обязанность» государя перед народом. Патернализм как принцип взаимодействия государства и общества — это ментальная потребность в государственной опеке и сильном государстве, способном решать социальные проблемы и поддерживать в обществе социальный порядок.

Вместе с тем государственный патернализм в России — это не столько внешняя, сколько внутренняя реальность, не столько политический строй, сколько ментальный стиль жизни. Встречные потоки административной регуляции и ментального «оппортунизма» перманентно создают в российском естественном государстве такие ситуации, в которых подданные не в силах прожить без «отца отечества». В связи с этим социальный порядок в таком государстве ментально возможен только как патерналистский, основу которого составляет не только «забота» государства об обществе, но и духовная солидарность общества и государства. Поэтому патернализм — это не только политическая практика в России, осуществляемая государством, но и рутина повседневной жизни, предполагающая отказ от социальной активности в обмен на государственный патронаж, «освящённый» традициями прошлого, и твёрдые социальные гарантии «сверху» [Лубский, Лубский 2013: 90–103].

Патернализм в российском естественном государстве как принцип взаимодействия государства и общества в ментальной традиции сопряжён также с такой ценностью, как справедливость. Поэтому социальный порядок в России должен быть не только патерналистским, но и справедливым, т. е. основанным на началах равенства и согласия.

Клиентелизм в российском естественном государстве является принципом такого типа властных отношений, реализуемых в системе «патрон-клиент», которые противоречиво соединяют личную зависимость и господство наряду с взаимными услугами и солидарностью. Исследователи, подчёркивая особую роль клиентарных отношений в процессе генезиса разнообразных форм российской государственности, считают, что адекватная интерпретация этих форм не возможна без специального анализа неформальных, персонально ориентированных клиентарных связей. Эти связи являются основой государственного управления, которое выполняет три основные функции. Во-первых, это функция перераспределения социально-экономического потенциала властвующей элиты и частного характера присвоения

средств и ресурсов в условиях синкретического объединения экономического и политического влияния. Во-вторых, это функция патримониального характера политического господства, которое рассматривается как неписаное социальное правило, которое воспроизводится в социальных практиках отношений «верхов» и «низов», а также в практике социального взаимодействия между самими управляющими. В-третьих, это функция обмена социально-экономическими ресурсами, к которым относятся патрон-клиентные связи, частные союзы защиты и поддержки, восполняющие «дефицит государства» в социальной сфере и подрывающие официальные публичные институты, лишая их правового содержания [Афанасьев 1997; Афанасьев 2000].

В рамках клиентелизма формируется особый взгляд на социальный порядок, основу которого составляют индивидуальные связи как способ социальных взаимодействий, которые не просто обеспечивают контрагентов необходимыми и желаемыми ресурсами, но и удовлетворяют их потребность в доверии, дефицит которого в обществе ощущается всегда, а при институциональных кризисах особенно остро. В товарно-денежном контексте клиентарных связей складывается определенное понимание «закона» вертикальной социальной мобильности: путь вверх невозможен без нужных связей и денег, притом, что деньги часто являются производной от этих связей [Лубский 2014: 67]. Поэтому, например, «взятка» в ментальной программе россиян вполне вписывается в их представления о социальном порядке. Кроме того, некоторые специалисты, исследуя транзакционные издержки российских предпринимателей, также приходят к выводу о том, что тривиальным и примитивным способом «одно-разового взаимодействия» выступает взятка, которая по мере укрепления «доверия» становится основой «стабильных» и постоянных взаимоотношения [Радаев 1998].

Таким образом, анализ институциональной матрицы естественного государства, концепция которого была разработана Д. Нортон, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастром в рамках неонституционализма, позволяет, с одной стороны, выявить особенности такого государства в России, а с другой — показать его влияние на установление социального порядка в российском «властечетричном» обществе. Социальный порядок представляет собой воспроизводство институциональных практик, доминантами которых в российском естественном государстве выступают этатизм, патернализм и клиентелизм.

Афанасьев М.Н. 1995. Государев двор или гражданская служба? Российское чиновничество на распутье. — *Полис. Политические исследования*. — № 6.

Афанасьев М.Н. 1997. *Клиентелизм и российская государственность*. — М.: Издательство Центра Конституционных исследований МОНФ.

Афанасьев М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп.* — М.: Московский общественный научный фонд.

Балацкий Е.В. 2014. Дискурсивная экономика и ее возможности — *Общественные науки и современность*. — № 1.

Ворожейкина Т.Е. 2002. Государство и общество в России: исчерпание государствоцентричной матрицы развития. — *Полис. Политические исследования*. — № 4.

Ворожейкина Т.Е. 2005. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки. — *Общественные науки и современность*. — № 5.

Гудков Л. 2004. О легитимности социального порядка в России. — *Полит.Ру*. — Доступно: http://www.polit.ru/article/2004/06/07/gudkov_jukos/. — Проверено: 27.03.2016.

Давыдов Ю.Н. 1996. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности. — *Вопросы социологии*. — Вып. 6.

Денисов С.А. 2010. *Общая теория административного государства*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Заостровцев А. 2010. Новая институциональная экономика о развитии и стагнации. — *Пути модернизации: траектории, развилки и тупики*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заостровцев А. 2011. *Российский госкапитализм vs модернизация*. — Доступно: <http://ores.ru/1345073.html>. — Проверено: 27.03.2016.

Заостровцев А.П. 2012. Институты естественного государства в России: рост барьеров для социального порядка открытого доступа. — *Теоретические и прикладные исследования экономики и экономической политики*. — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ.

Заостровцев А.П. 2014. *О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?* — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Заславская Т.И. 2005. Человеческий фактор в трансформации российского общества (публичная лекция). — *Полит. Ру*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2005/10/13/zaslavska-ya/> — Проверено: 27.03.2016

Зудин А.Ю. 2013. Бизнес и государство в России: опыт применения подхода Норта-Уоллеса-Вайнгаста. Статьи 1,2 — *Общественные науки и современность*. — № 2. — № 3.

Из двух эпох: русская философия права и социальная реальность (Круглый стол). 1990. — *Вопросы философии*. — № 3.

Исследовательский проект «Институты, развитие и группы интересов: применение подхода порядков ограниченного/открытого доступа к анализу истории России». 2012–2013. — Доступно: <http://www.hse.ru/institutions/about> — Проверено: 27.03.2016.

Кирдина С.Г. 2000. *Институциональные матрицы и развитие России*. — М.: ТЕИС.

Крыштановская О.В. 2004. Современные концепции политической элиты и российская практика. — *Мир России*. — Т. XIII. — № 4.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 1997. Русский порядок. — *Полис. Политические исследования*. — № 3.

Лубский А.В. 2015а. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов». — *Социологические исследования*. — № 10.

Лубский А.В. 2015б. Методологический конструкт междисциплинарного научного исследования институциональных практик в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. — *Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой*. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Лубский А.В., Лубский Р.А. 2012. Человек в России и на Западе: концепты дискурсивного мышления. — *Научная мысль Кавказа*. — № 4.

Лубский А.В., Лубский Р.А. 2013. Этатизм патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России. — *Гуманитарий Юга России*. — № 3.

Лубский Р.А. 2012а. Вотчинное право как традиция в России. — *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — № 2 (16).

Лубский Р.А. 2012б. Государственность и патернализм в России. — *Философия права*. — № 6.

Лубский Р.А. 2012в. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России. — *Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал*. — № 6.

Лубский Р.А. 2012г. Патернализм как предмет научного дискурса. — *Философия права*. — № 5 (54).

Лубский Р.А. 2013. «Полицейское право» как признак российской государственности. — *Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований»*. — Вып 1. — Т. 25. — Одесса: КУПРИЕНКО.

Лубский Р.А. 2014. *Российская государственность как социальная реальность*. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть*. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ,

Медведев В.В. 2009. *Формирование и эволюция полицейского государства в России, XVIII – первая половина XIX вв.: Автореф. дисс. канд. юридических наук*. — М.

Милс Ч. 1994. *Высокая теория. — Американская социологическая мысль. Тексты*. — М.: Изд-во МГУ.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.: Изд. Института Гайдара.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. — М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА».

Панов П.В. 2011. *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1998. *Русская система: генезис, структура, функционирование (тезисы и рабочие гипотезы)*. — *Русский исторический журнал*. — Том 1. — № 3.

Плискевич Н.М. 2013. *Возможности трансформации в России и концепция Норта-Уоллиса-Вайнгаста. Статьи 1,2*. — *Общественные науки и современность*. — № 5. — № 6.

Радаев В.В. 1998. *Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика*. — М.: Центр политических технологий.

Расков Д. 2011. *Институциональные исследования как будущее социальных наук*. — Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М.: Изд. Института Гайдара.

Сусименко Е.В. 2008. *Феномен пат-зависимости в процессе институциональных изменений: Автореф. дисс. докт. филос. наук*. — Ростов н/Д.

Филиппов П. *«Естественное» государство или «капитализм для своих»*. — Доступно: <http://kaknado.info/home/for-self/> — Проверено: 27.03.2016.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2005. *The Natural State: The Political Economy of Non-Development. March*. — Доступно: <http://www.international.ucla.edu/ems/files/PERG.North.pdf> — Проверено: 27.03.2016.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2006. *A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — *NBER Working Paper*. — No. 12795.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. 2007. *Limited Access Order in the Developing World*. — *A New Approach to the Problems of Development*. — World Bank (Policy Research Working Paper; No. 4359).

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework For Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge, New York: Cambridge University Press.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. 2013. *Limited Access Orders: An Introduction to Conceptual Framework*. — *In the Shadow of Violence: Politics, Economics and the Problem of Development in Limited Access Orders*. — Cambridge: Cambridge University Press.